

Библиотека
начальной школы

С. Т. АКСАКОВ

Р а с с к а з ы о П р и р о д е

Художник
Е. Орехова

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб
2025

ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ КАМУ В ГРОЗУ

Летнюю вакацию я прожил в деревне так же приятно, как и прошлого года, но на обратном пути случилось со мной происшествие, которое произвело на меня сильное впечатление и следы которого не изгладились до сих пор; я стал гораздо более бояться и теперь боюсь переправляться через большие реки.

Вот как случилось это происшествие: мы приехали в полдень на летний перевоз через Каму, против села Шурана. На берегу дожидались переправы три крестьянских телеги с поклажей и возчиками и десятка полтора баб с кузовами ягод; бабы возвращались домой пешком на противоположный берег Камы. Перевозчиков на перевозе не было: куда разбрелись они, не знаю.

Потолковав несколько времени, крестьяне и мои люди решились сами переправиться через реку, потому что один из крестьян вызвался править кормовым веслом, уверив, что он несколько лет был перевозчиком. Итак, выбрали лучший дощаник¹, поставили три крестьянские телеги с лошадьми, мою кибитку и всех трёх наших лошадей; разумеется, взяли и всех баб с ягодами; мнимый

---

¹ Дощаник — плоскодонное деревянное речное судно небольшого размера с палубой (или полупалубой) и одной мачтой.

перевозчик стал на корме, двое крестьян, мой кучер и лакей Иван Борисов (молодец и силач, один стоивший десятерых) сели в вёсла, и мы отчалили от пристани.

Между тем чёрная туча взмывала на западе и мало-помалу охватывала край горизонта; её нельзя было не приметить, но все думали: авось пройдёт стороной или авось успеем переехать.

Пристань находилась против самого Шурана, и для того, чтоб не быть снесённым быстротою течения сердитой Камы и чтобы угодить прямо на перевоз, надобно было подняться вверх по реке, на шестах, с лишком версту. Это производилось очень медленно, а гроза быстро начала приближаться.

Чтобы ускорить переезд, поднялись вверх только с полверсты, опять сели в вёсла и, перекрестившись, пустились на перебой поперёк реки; но лишь только мы добрались до середины, как туча с неимоверной скоростью обхватила весь горизонт, почерневшее небо ещё чернее отразилось в воде, стало темно, и страшная гроза разразилась молнией, громом и внезапной неистовой бурей.

Кормщик наш в испуге бросил кормовое весло и признался, что он совсем не перевозчик и править не умеет; вихрь завертел наш паром, как щепку, и понёс вниз по течению; бабы подняли пронзительный вой —

и ужас овладел всеми. Я так испугался, что не мог промолвить ни одного слова и дрожал всем телом.

Вихрем и быстротой течения снесло наш дощаник несколько вёрст вниз по реке и, наконец, бросило на песчаную отмель, по счастью, саженьях в пятидесяти от противоположного берега. Иван Борисов спрыгнул в воду, она была ему по пояс; он дошёл бродом до берега, глубина воды нигде не доставала выше груди.

Он воротился тем же путём на паром, стащил с него одну из наших лошадей посмирнее, посадил меня верхом, велел крепко держаться за гриву и за шею лошади и повёл её в поводу; Евсеич шёл подле и поддерживал меня обеими руками. Мутные и огромные волны хлестали через нас и окачивали с головой; по несчастью, Борисов, идя впереди, сбился с того броду, по которому прошёл два раза, и попал на более глубокое место; вдруг он нырнул в воду, лошадь моя поплыла, и Евсеич отстал от меня; тут-то я почувствовал такой страх близкой смерти, которого я не забыл до сих пор; каждую минуту я готов был лишиться чувств и едва не захлебнулся.

По счастью, глубина продолжалась не более двух или трёх сажень. Борисов плавал мастерски, лошадь моя от него не отставала, и, не выпуская поводка из рук, он скоро

выплыл на мелкое место и благополучно вывел на берег моего коня, но Евсеич, не умевший хорошо плавать, едва не утонул и насилу выбился на берег.

Меня, мокрого до последней нитки, сняли с лошади почти без памяти; пальцы мои заоченели, замерли в гриве моего коня, но я скоро опомнился и невыразимо обрадовался своему спасению.

Евсеич остался со мной, а Борисов пустился опять к дощанику, с которого бабы с криками и воплями, не расставаясь с кузовьями ягод, побросались в воду; мужики постолкали своих лошадей и телеги, и все кое-как, по отмели удачно отыскав брод по мельче, добирались до берега.

Дощаник, облегчённый от большей части груза, поднялся, и его начало тащить водою вниз по течению. Вот тут-то пригодилась сила Ивана Борисова: он удерживал дощаник до тех пор, покуда наш кучер столкнул на отмель лошадей и нашу повозку; Борисов перестал держать паром, и его сейчас унесло вниз по реке.

Стоя в воде по пояс, заложили лошадей, и повозка моя, подмочив всё в ней находившееся, выехала на берег. Мы сели, мокрые и озябшие, и поскакали в Шуран; там обогрелись, обсушились, напились горячего чаю, и холодная ванна не имела для нас никаких дурных физических последствий.